

**Русский архив. Историко-
литературный сборник. 1914**

Выпуски 1-4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
P89

P89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1914: Выпуски 1-4 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 624 с.

ISBN 978-5-458-47955-4

Оригинальное название: Русский архивъ. Историко-литературный сборникъ. 1914. Выпуски 1-4«Русский архив» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартенев – историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартенев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартенева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартенев подобрал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартенева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартенева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-47955-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

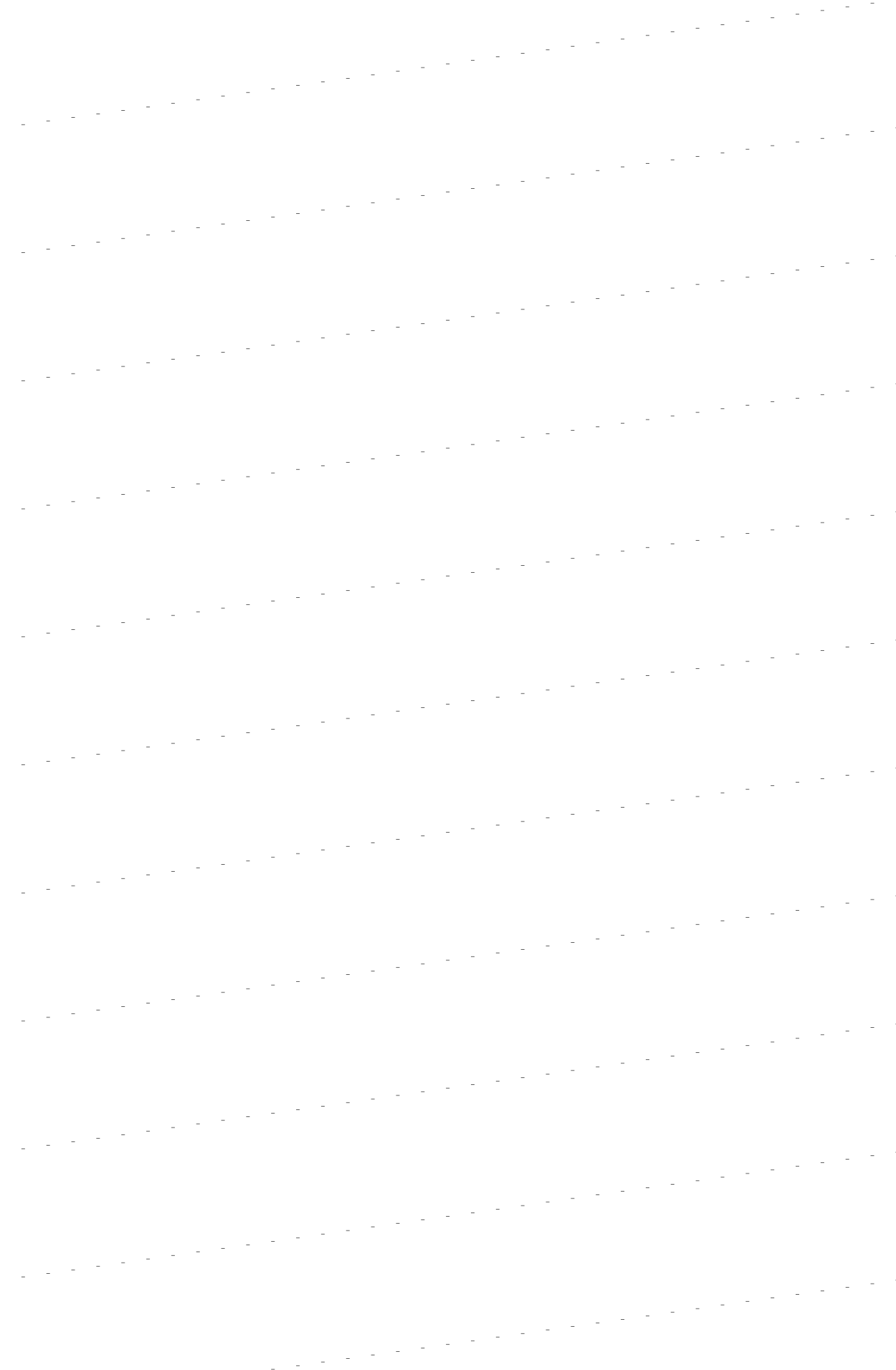
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

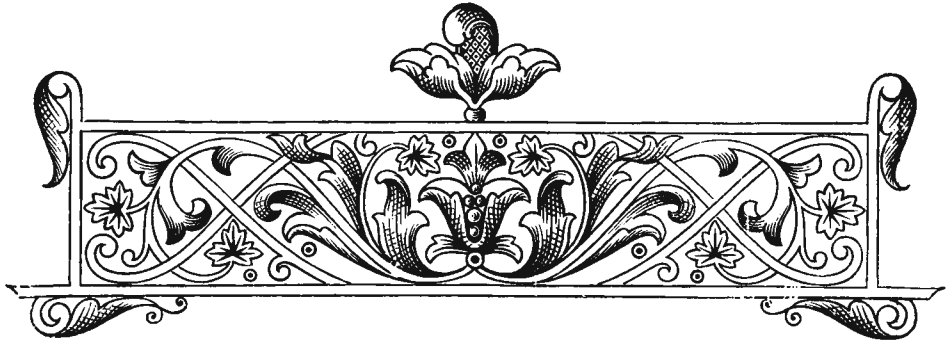
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КНЯЖНА ТУРКЕСТАНОВА

Фрейлина Высочайшаго двора.

Ла-Брюеръ говоритъ „Дворъ такое мѣсто, гдѣ горести существуютъ, но скрыты отъ всѣхъ, а удовольствія у всѣхъ на виду, но онѣ призрачны“. Эта жизнь не даетъ счастья и мѣшаетъ, разъ познакомишься съ нею, найти его гдѣ-либо.

Примѣръ княжны Вари Туркестановой можетъ служить однимъ изъ многочисленныхъ подтвержденій этого мнѣнія¹⁾.

Красивая, обаятельная, одаренная тонкими чувствами и умомъ, она заплатила ужасными страданіями за успѣхи тамъ, гдѣ все снаружи блестяще, но гдѣ горечи неизбѣжны.

Одаренная нѣжнымъ сердцемъ и чувственной природой—наслѣдіемъ восточнаго происхожденія²⁾—княжна была создана къ другой жизни, къ которой ее постоянно тянуло, несмотря на все торжество ея тщеславія и самолюбія. Она сама пишетъ по этому поводу: „Я не только не довольна тѣмъ, что ко мнѣ благоволятъ, но огорчена

1) Княжна Туркестанова родилась 20 Мая 1775 г. Авторъ этой работы обязанъ генералу отъ кавалеріи графу Алексѣю Васильевичу Олсуфьеву, давшему ему идею ея, доставленіемъ самыхъ важныхъ по этому предмету документовъ. Княжна Туркестанова была родственницей Олсуфьевыхъ, будучи дочерью одной изъ двоюродныхъ сестеръ Дмитрія Олсуфьева, московскаго предводителя дворянства, и, слѣдовательно, она приходилась двоюродной сестрой Василю Олсуфьеву, будущему графу и гофмаршалу двора Императора Александра II, отцу графа Алексѣя Васильевича. Княжна Туркестанова, осыпанная милостями, оказывала покровительство своему младшему двоюродному брату, тогда гвардейскому гусарскому поручику.

2) Туркестановы персидскаго происхожденія.

имъ. Съ другой стороны, покинуть Дворъ и отправиться—куда?... Неизвѣстно... Увы, судьба не благосклонна ко мнѣ...“ Она часто возвращалась къ этой мысли. „Возможно, что это путешествіе (по Россіи) я дѣлаю только для того, чтобы найти спокойную пристань, у которой вздохнетъ моя душа; но когда, въ какой годъ, въ какой день!“

Иностранка, madame де Нуазевиль имѣла глубокое вліяніе на нравственное и уметвенное развитіе княжны Туркестановой. Послѣ 1793 года у эмигрантовъ въ Россіи появилась своего рода специальность—специальность воспитателей, такъ какъ, за исключеніемъ Лавалей, Сень-При, Полиньяковъ¹⁾ и нѣсколькихъ другихъ, сохранившихъ состояніе или занимавшихъ офиціальныя должности, многимъ изъ нихъ приходилось зарабатывать учительствомъ горькій хлѣбъ изгнанія въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Имперіи. Принадлежа большею частью къ высшему обществу, они, конечно, распространяли вокругъ себя свои взгляды и нравы.

Жены эмигрантовъ тоже занимались воспитаніемъ. Къ числу ихъ принадлежала и изящная госпожа де Нуазевиль, и по рожденію и по образованію, особа высшаго круга; одаренная практическимъ умомъ, она скоро стала во главѣ всей интимной жизни семьи, куда вступила воспитательницей. Хозяйка дома, жена князь Бориса Голицына отличалась многими странностями²⁾; но если она не была въ состояніи исполнять обязанности матери семейства, то княжнѣ Туркестановой, которую она пріютила у себя, какъ сироту³⁾, не пришлось страдать отъ того, благодаря доброй и умной женщицѣ, направлявшей воспитаніе ея и ея трехъ двоюродныхъ сестеръ, другомъ которыхъ она осталась до послѣдняго дня. При своей отзывчивой душѣ и стремленіи къ идеалу въ противоположность, можетъ быть, слишкомъ страстному темпераменту, „этому темпераменту, что есть воображеніе тѣла“, будущая фрейлина, скорѣе всякой другой, должна была проникнуться духомъ гуманности и высокой добродѣтели, подъ вліяніемъ котораго прожила свои молодые годы и свидѣтельствомъ

1) У герцога Полиньяка даже были большія имѣнія въ Россіи (Письмо княжны Туркестановой къ Крестину отъ 11 сентября 1817 г.).

2) Ея старшая дочь княгиня Куракина въ минуту религіозной экзальтаціи сожгла себѣ руку на жаровнѣ, вслѣдствіе чего пришлось сдѣлать ампутацію. „Поведеніе М-не де Нуазевиль въ этомъ случаѣ восхвалялось всѣми“—пишетъ княжна Туркестанова Крестину. Позднѣ княгиня Куракина сошла съ ума.

3) Дома воспитаніе княжны было начато нѣмкой г-жей Эверсъ, къ которой она была очень привязана.

чего служатъ ея прелестныя письма, проникнутыя всеѣмъ обаяніемъ переписки французенки XVIII вѣка*).

Среда, гдѣ выросла княжна Туркестанова, была средой аристократіи, богатой и могущественной, насколько это возможно при наиболѣе полномъ самодержавіи во всеѣмъ мірѣ. „Дворянство“, жившее въ Москвѣ въ началѣ прошлаго столѣтія, кичилось политической независимостью, сравнительно съ петербургскимъ; впоследствии тамъ образовывались вліятельныя литературныя кружки, гдѣ общество всегда веселилось. Великій переворотъ „Освобожденія“, реформа необходимая, но выполненная съ неописуемымъ легкомысліемъ и неразборчивостью—еще не разорила, чтобъ не сказать, уничтожила, дворянство; это не пошло на пользу и крестьянству, обѣднѣвшему вслѣдствіе реформы не меньше своихъ господъ. Княгиня Вогіс принимала весь городъ, и также Дворъ, когда Государь и Государыня бывали въ Москвѣ; изъ ея трехъ дочерей одна стала знаменитой красавицей; все сдѣлала блестящія партіи и при такихъ двоюродныхъ сестрахъ, Варя Туркестанова, несмотря на всю свою привлекательность и своеобразность, оставалась нѣсколько въ тѣни.

Не будучи въ состояніи показать себя съ полнымъ достоинствомъ, испытывъ даже, можетъ быть, нѣкоторые уколы самолюбія, какъ невѣста-безприданница—что, впрочемъ не озлобило и не раздражило ея—очень понятно, что она была чрезвычайно довольна, когда въ 1808 г. была назначена ко Двору. Эта перемѣна въ ея существованіи раскрывала передъ ней новыя и многообѣщающіе горизонты. Ея дѣтство было печально: между сестрами и ею не было близости, и за исключеніемъ тетки старухи Арсеневой, у нея не было близкихъ родственниковъ. Между тѣмъ она вела въ Москвѣ, въ богатомъ домѣ Бориса Голицына, исполненномъ безпорядка и пустяковъ, свѣтскую жизнь, полную развлеченій, и только г-жа де Нуазевиль давала среди окружающей пустоты серьезное направленіе ея мыслямъ и невольно своей набожностью увлекала ее къ католицизму. Когда она стала фрейлиной, ей уже исполнилось тридцать три года, но красота ея еще была въ полномъ расцвѣтѣ.

„Княжна Туркестанова отличалась большимъ умомъ, развитымъ серьезнымъ образованіемъ, прекраснымъ характеромъ и увлекающейся,

*) Эмилъ Гоманъ приводитъ нѣсколько этихъ писемъ въ своемъ сочиненіи „La culture française en Russie 1705—1900. Paris, librairie Hachette. 1882 г.

Въ Русскомъ Архивѣ была помѣщена часть переписки Княжны Туркестановой съ Кристиномъ, а съ 1912 г. Русскій Архивъ началъ печатаніе этой переписки полностью. Въ Январской книжкѣ помѣщена обстоятельная статья барона Будберга, служащая предисловіемъ къ этимъ письмамъ.

нѣсколько фантастической натурой, которой ея азіатское происхожденіе придавало всю прелесть восточной женщины¹⁾. Во взглядѣ ея и манерахъ было много живости и чего-то не совсѣмъ обыкновеннаго, что, сдерживаемое прекраснымъ воспитаніемъ, дѣлало ее личностью весьма замѣчательной по уму и обаятельности обращенія...“ Она обладала способностью становиться истиннымъ чудомъ, т. е. одѣваться съ чрезвычайнымъ вкусомъ и изяществомъ“²⁾.

*

Нѣсколько лѣтъ прошло прежде, чѣмъ княжна заняла видное мѣсто при дворѣ. Императрица Елизавета, столь тонкаго ума, столь мѣткая въ своихъ сужденіяхъ³⁾, не сумѣла оцѣнить сразу княжну, хотя она, казалось, была создана, чтобы нравиться ей, какъ по своему умственному развитію, какъ по нѣжности сердца; но глубокое горе отъ невѣрности мужа, которое она таила въ душѣ, вѣроятно, слишкомъ поглощало молодую государыню, чтобъ она желала себѣ создавать новыя связи въ средѣ, гдѣ ее недостаточно цѣнили.

Императоръ все еще находился подъ обаяніемъ красавицы Нарышкиной⁴⁾. Императрица-мать впослѣдствіи осыпала Варю Туркестанову своими милостями и окончательно приблизила ее къ себѣ. Дворъ вдовствующей государыни—въ противоположность обыкновенному порядку вещей—составлялъ самый интересный и дѣятельный центръ въ Имперіи. Императоръ, не заблуждаясь относительно недалежнаго ума своей матери⁵⁾, оставался силой вещей подъ ея вліяніемъ, вслѣдствіе ужасной смерти Павла I, часть отвѣтственности за которую падала на него, что нравственно ставило его въ зависимость отъ вдовы убитаго государя. „Александръ не принималъ никакого рѣшенія, не предпринималъ никакого политическаго шага, не совѣтовалъ съ матерью, хотя часто встрѣчалъ съ ея стороны противорѣчіе“.

Положеніе, въ какое умѣла себя поставить эта хитрая Вюртембергская принцесса, уменьшало вліяніе царствующей императрицы, и не только привлекало къ ней всѣхъ честолюбцевъ, искавшихъ власти,

¹⁾ Замѣтка барона Будберга (бывшаго посла въ Парижѣ).

²⁾ Замѣтка Кристина къ его перепискѣ съ княжной Туркестановой.

³⁾ Доказательствомъ можетъ служить ся пронцательный—можно сказать пророческій—взглядъ на великую ошибку этого царствованія—военныя поселенія. Она также желала для Россіи конституціи.

⁴⁾ Нарышкина была полька, рожденная княжна Четвертинская.

⁵⁾ Онъ говорилъ о ней: „Какія глупости дѣлаетъ матушка! Она вовсе не умѣетъ держать себя“.

но къ ея двору—какъ вода стекается къ рѣкѣ—стекалось все, что было наиболѣе выдающагося умственно среди представителей пetersбургскаго общества. Въ этомъ высшемъ свѣтѣ успѣхъ княжны Туркестановой былъ полнымъ. Та среда, гдѣ теперь пришлось вращаться новой фрейлинѣ, имѣла совершенно иное значеніе, чѣмъ московская, но княжна всегда умѣла въ совершенствѣ выполнить свою роль: обладая безупречнымъ тактомъ, услужливая безъ навязчивости въ отношеніи государыни, вѣжливая и внимательная къ своимъ подругамъ по дежурству и къ посѣтителямъ, она, кромѣ того, обладала искусствомъ создавать себѣ многочисленныхъ друзей внѣ своего круга, во главѣ которыхъ надо поставить француза—графа Рибоьера¹⁾.

Она открыто предпочитала честную дружбу мужчинъ менѣе надежному женскому расположенію и откровенно признается въ этомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, гдѣ говоритъ о коварствѣ и зависти, часто одушевляющихъ представительницъ ея пола.

При полученномъ ею воспитаніи и природной обходительности, она привлекала къ себѣ эмигрантовъ, изъ которыхъ многіе посѣщали ея гостинную, не пугаясь ста тринадцати ступеней, на которые приходилось взбираться, чтобы достигнуть ея небольшой квартиры въ Зимнемъ дворцѣ. Среди нихъ графъ Модень²⁾ былъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ завсегдатаевъ. Изъ большого числа всей французской знати, имена которой гремѣли по Россіи въ это время, онъ принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ, которые окончательно поселились въ странѣ, гдѣ они нашли себѣ пристанище. Фамилія Модена не сохранилась, такъ какъ у него не было сына. Онъ состоялъ въ родствѣ съ одной знатной русской семьей, какъ многіе изъ его соотечественниковъ въ то время. Княжна Туркестанова пишетъ по этому поводу: „Перейдемъ къ нашему герою Ланжерону; скажу вамъ, что онъ одержимъ маніей жениться во что бы то ни стало. Развѣ онъ не отравилъ графиню Діану де Полиньякъ, чтобъ предложить себя княгинѣ Борисъ, даже не указывая, которой изъ ея дочерей онъ дѣлаетъ предложеніе. Онъ, кажется, готовъ взять все что угодно, лишь бы дали“.

Габріель Модень былъ красивымъ образцомъ жантильома стараго режима и простился съ Франціей не безъ сожалѣнія. Княжна Турке-

1) Швейцарскаго происхожденія, по словамъ Кристина.

2) Онъ былъ женатъ на графинѣ Салтыковой и умеръ въ 1833 г. Его дочь Софія была замужемъ за княземъ Валентиномъ Шаховскимъ, свекромъ автора этой статьи.

становя писала Крестину по возвращенію Модена изъ Парижа, куда онъ ѣздилъ послѣ Реставраціи: „Моденъ возвратился изъ своей поѣздки, разгоряченный и загорѣлый, но вернулся такимъ же французомъ, какимъ только возможно быть. Онъ мнѣ много рассказывалъ про Парижъ, который былъ чрезвычайно радъ снова увидѣть¹⁾. Король и принцы отнеслись къ нему великолѣпно. Этотъ добрый король, по словамъ Модена, дѣйствительно пользуется любовью, но члены его семьи живутъ между собой, какъ кошки съ собаками. Герцогиня Ангулемская хочетъ вмѣшиваться во все, вслѣдствіе чего иногда впутывается въ сплетни, вовсе неприличныя женщинѣ ея положенія. Герцогиня Беррійская не умѣетъ сказать двухъ словъ кряду; это невоспитанная дѣвочка... Когда я думаю о нашихъ княжнахъ, нельзя не согласиться, что онѣ изумительно воспитаны, и что М-ме Ливенъ лучшая воспитательница въ мірѣ. Напримѣръ, я видѣла какъ великая княжна Анна²⁾, тринадцати лѣтъ, вела приемъ... Болѣе ста человѣкъ въ гостиной, и она обращалась къ каждому съ непринужденностью тридцатилѣтней женщины, привыкшей къ обществу. Я думаю, что не имѣй Моденъ такой жены, какой ее создало Небо, онъ былъ бы радъ вернуться въ Парижъ....“ Правда, эта жена, обожавшая своего мужа, не была при всей своей знатности, представительна.

20 мая княжна Туркестанова пишетъ снова:

„Моденъ назначенъ гофмаршаломъ *ad interim*.... Хотя онъ недоволенъ, я, признаюсь, въ восторгѣ отъ подобнаго пріобрѣтенія. Онъ заходитъ ко мнѣ послѣ обѣда; онъ неистощимъ, когда говоритъ о Франціи, и рассказываетъ самыя интересныя вещи на свѣтѣ.... Моденъ все видѣлъ—въ кружкѣ общества, между прочимъ кружокъ сенъ-жерменскаго предмѣстья, прозванный „*exagerés*“, и затѣмъ людей новаго режима. Не могу скрыть отъ васъ, что онъ нашелъ среди нихъ людей очень умныхъ, достойныхъ и чрезвычайно пріятныхъ... Онъ мнѣ рассказывалъ о частыхъ спорахъ Ростопчина съ М-ме де Сталь, въ которыхъ побѣда всегда оставалась на его сторонѣ“...

Императрица Александра Ѳеодоровна жена Николая I, въ то время великая княгиня, пишетъ въ своемъ дневникѣ: „Мы какъ нельзя болѣе довольны Моденомъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ замѣнилъ Кирилла Нарышкина³⁾: изысканныя манеры стариннаго Версальскаго двора, изящный тонъ, даже въ шуткахъ; любезенъ безъ низкопоклонства. Онъ все

¹⁾ Письмо отъ 3 февраля 1817.

²⁾ Будущая королева Нидерландская.

³⁾ Гофмаршалъ великокняжескаго двора.

устраиваетъ чудесно; единственно, въ чемъ можно упрекнуть его, это нѣкоторая щепетильность“....

Онъ умеръ, окруженный всеобщимъ уваженіемъ. Булгаковъ писалъ по этому поводу своей дочери, княгинѣ Долгоруковой¹⁾.

„....Подробности смерти Модена трогательны: онъ умеръ истиннымъ христіаниномъ, съ твердостью; вся императорская семья пріѣзжала прощаться съ нимъ, даже Наслѣдникъ, которому онъ далъ добрые совѣты, пользуясь правомъ каждаго человѣка, готоваго предстать передъ Господомъ“..

Этотъ иностранный аристократъ былъ для княжны Туркестановой—при пріѣздѣ ея въ Петербургъ—драгоценнымъ руководителемъ на зыбкой почвѣ, куда она ступала впервые, и которую онъ, въ качествѣ стараго придворнаго, зналъ лучше всякаго другого. Ему нравилось бывать у нея, гдѣ образовался центръ единенія эмигрантовъ „ничему не научившихся и ничего не позабывшихъ“. Ее связывали съ ними умственные склонности и общіе вкусы, особенно склонность къ блестящему разговору, и она часто проникалась ихъ взглядами, иногда невѣрными и поверхностными. Это стало очевиднымъ, нѣсколько лѣтъ спустя, когда была объявлена война съ Франціей, изъ ея мнѣнія „о измѣнникѣ Моро“, перешедшемъ въ русскій генеральный штабъ. Это легкомысленное мнѣніе находится въ полномъ несоотвѣтствіи съ ея обычной прозорливостью.

„....Должно быть г-жа Моро соскучилась въ Америкѣ“,—писала она 3 іюня 1818 г. Съ другой стороны вліяніе окружающей среды не помѣшало ей оставаться горячей патріоткой, немного ослабленной, судя по чувствамъ, которыя она высказывала въ продолженіе своего неудачнаго путешествія²⁾.

По поводу появленія Моро она пишетъ:

„У меня кровь закипаетъ, когда я слышу, какъ радуются, что подобный иностранецъ можетъ считаться освободителемъ Россіи“.

¹⁾ Письмо А. И. Булгакова къ дочери. „Русскій Архивъ“ 1896 г. стр. 350—361.

²⁾ Дневникъ путешествія княжны Туркестановой, въ 1818 г. 8 ноября (Русскій Архивъ)... „Какъ быстро промелькнуло время въ Брюсселѣ. Я буду сожалѣть о немъ, когда мы очутимся въ этой Германіи (sic), но думаю, что вскорѣ все позабуду, когда вернемся въ нашъ дорогой Петербургъ, который я предпочитаю всѣмъ городамъ, несмотря на его 25 градусные морозы“.

Западная культура, усвоенная княжною, немало способствовала созданію ей положенія при Дворѣ, гдѣ еще витало воспоминаніе о Великой Екатеринѣ и энциклопедистахъ, хотя въ началѣ она и была далека отъ того, чтобы собрать вокругъ себя, то, что называлось тогда „bureau d'esprit“. Скорѣе, она съ увлеченіемъ совершенно молодой дѣвушки, на какую походила по внѣшности, предавалась свѣтскимъ удовольствіямъ, появляясь то въ одной, то въ другой гостиной, пользуясь каждой свободной минутой, чтобы дѣлать визиты, зимой въ городѣ, лѣтомъ въ его окрестностяхъ, не считая развлеченій, обязательныхъ по должности: любительскихъ спектаклей — гдѣ она талантливо исполняла роли субретокъ, — баловъ, вечеровъ, на которыхъ она присутствовала по обязанности, внося, однако, въ нихъ совершенно своеобразный восторгъ. Это однако, не мѣшало ей продолжать свое умственное образованіе, напримѣръ, она собиралась учиться по латыни и отказалась отъ этой трудной задачи только по совѣту Кристины. Надо отмѣтить, что свѣтскія женщины ея времени въ Россіи стояли выше современныхъ. Княжна Туркестанова не была единственной между фрейлинами, отличавшимися своимъ умомъ: дѣвица Росетти, графиня Моденъ, дочь графа Габріеля, ея друга, хотя появились при Дворѣ позднѣе княжны Туркестановой, но заслуживаютъ быть упомянутыми рядомъ съ нею. Роксана Струдза была глубокимъ знатокомъ богословія; Александрина Росетти дружила съ поэтами Пушкинымъ и Жуковскимъ: выдающіеся писатели собирались въ ея маленькомъ помѣщеніи въ Царскомъ Селѣ. Софія де Моденъ была блистательна въ разговорѣ, и это было одинаково оцѣнено въ гостинныхъ Петербурга, Берлина и Парижа.

Между тѣмъ, событіе вѣка, нашествіе — приближалось... Можно себѣ представить волненіе при Дворѣ, безпокойства, трепетныя надежды, когда узнали, что Наполеонъ перешелъ Нѣманъ. Но, несмотря на все, это былъ чудный моментъ въ Россіи — эти дни ожиданія, еще не предвѣщавшіе побѣды, но дававшіе чувствовать силу противленія народа, начиная съ перваго дворянина и до послѣдняго крестьянина готовыхъ до смерти защищать свои очаги.

Ненависть къ „корсиканскому людоѣду“ нашла себѣ отзвукъ въ сердцѣ княжны Туркестановой, раздѣлявшей чувства своихъ друзей-французовъ противъ „притѣснителя“, „апокалиптическаго чудовища“, но въ ней это чувство проявлялось съ чисто женской горячностью. Кромѣ того въ салонѣ императрицы Маріи было принято анаэмаатствовать Бонапарта. Извѣстно, какое сопротивленіе встрѣтилъ со стороны матери